

Альберт Громов

СМЕНА КЛИМАТА

Утопически-депрессивный гнобизм

Альберт Громов

**Смена климата. Утопически-
депрессивный гнобизм**

«Издательские решения»

Громов А. Ю.

Смена климата. Утопически-депрессивный гнобизм /
А. Ю. Громов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837108-0

В одном селе российской глубинки живет век за веком самобытный народ. Ежедневно они трудятся на огромную страну, рождаются, умирают. Как все, они мечтают о счастье, любят и уважают друг друга. Неожиданную весть о смене климата приносит почтальон. С этого момента спокойной жизни приходит конец. Технический прогресс врывается в традиционный уклад селян, заставляя их покидать родные края. Кто и как приживется в новом мире, вы узнаете, дочитав рассказ до конца.

ISBN 978-5-44-837108-0

© Громов А. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Место действия	6
Роли исполняют	7
ЧАСТЬ 1.	8
1. Картина маслом	8
2. Испорченный телефон	9
3. Общественное собрание	13
4. Понаехало тут	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Смена климата

Утопически-депрессивный гнобизм

Альберт Громов

© Альберт Громов, 2017

ISBN 978-5-4483-7108-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В одном селе российской глубинки живет век за веком самобытный народ. Ежедневно они трудятся на огромную страну, рождаются, умирают. Как все они мечтают о счастье, любят и уважают друг друга. Неожиданную весть о смене климата приносит почтальон. С этого момента спокойной жизни приходит конец. Технический прогресс врывается в традиционный уклад селян, заставляя их покидать родные края. Кто и как приживется в новом мире, вы узнаете, дочитав рассказ до конца.

Место действия

Действие рассказа разворачивается в центральной части необъятно огромной Страны и больше относится к середине двадцатого столетия, хотя персонажи с их житейскими проблемами вполне актуальны в наши дни. Обычное село оказывается в эпицентре масштабных событий научно-технического прогресса. По территории села прокатываются колеса масштабной стройки, в результате чего создаются крупные государственные сооружения и подминаются судьбы живущих людей. Вначале в поселок приезжает группа инженеров-проектировщиков, которая не только проводит рабочие изыскания, но и разрушает традиционный покой поселка, разобщает жителей, вселяет в них неуверенность в завтрашнем дне. Следом, на смену проектировщикам, прибывают бригады рабочих с техникой, и начинается снос жилых построек, попавших в зону строительства. Круглосуточная стройка, длящаяся полгода, не щадит ни вековых построек, ни жителей села. На фоне развала гибнут жители, другие покидают родину в надежде на лучшую жизнь в городе. Когда стройка века перемещается дальше, от села не остается и следа, и лишь нетронутым стоит один единственный дом, принадлежащий эксцентричному безработному жителю.

Роли исполняют

- Дед Типун (Тимофей Иванович Пузин) – инвалид интеллектуального труда.
Товарищ Никита Краснов – председатель партийной ячейки.
Татьяна Сергеевна – девушка лет двадцати пяти, местный фельдшер.
Бабка Татуха – болтливая пожилая женщина, пенсионерка.
Макар, внук Татухи – молодой и бесшабашный тракторист.
Живоглот – мужчина в возрасте за пятьдесят, пастух.
Глаша – жена Живоглота, доярка.
Хромуша – красивая девушка с физическим дефектом, самогонщица.
Патлатый – заросший волосами работник с лесопилки неопределенного возраста.
Иван Михайлович Попов – председатель колхоза, староста, агроном, вдовец.
Донатра (Дочь трудового народа) – девушка лет двадцати, проектировщица.
Петруха – молодой человек, брюнет, инженер-строитель, детдомовец.
Рева (Револьвер) – молодой человек, шатен, инженер-строитель, детдомовец.
Федор Всеволодович – зрелый мужчина с лысиной и животом, начальник инженеров.
Ванюша – сероглазый высокий блондин, инженер-геолог.
Сачек, Пятак, Марик, Сонька, Варька – дети, которые проживают в селе.
Петр Иванович Лопухов – стройный мужчина средних лет, капитан милиции, участковый.
- Юнус – почтальон, татарин из городской черты, ранее проживавший в селе.
Сандугач – жена Юнуса, ткачиха с фабрики.
Мария – родная сестра Хромуши из деревни Ивановка, доярка.
Агафон – муж сестры Хромуши, механизатор.
Механизаторы, доярки, прочие работники – трудоспособные жители поселка, массовка.
Говяшкин и его рабочие – строители новой жизни, массовка.
Горожане, озабоченные только личной жизнью – массовка.
Собакин, Песиков и Сучков – молодые люди и добрые милиционеры.
Швец Артур Яковлевич – психиатр из диспансера.

ЧАСТЬ 1.

Всё начинается с малого

1. Картина маслом

Довольно простая декорация складывалась из летнего фона солнечного полудня, приземленного в сельской местности. Пыльная дорога разбивает поселок на две части: четную и нечетную нумерацию деревянных одноэтажных домиков. Не выкошенная трава вдоль обочины, вымахала почти до пояса, за которой по направлению к домикам тянутся ровные грядки с картофельной, свекольной и не пойми еще какой ботвой. Заборы, как остаточные явления зажиточного собственничества, выстроены в виде малиновых зарослей или кустов шиповника. Лишь они отделяют границы одного домохозяйства от другого. Отсутствие человеческого присутствия в населенном пункте наводит на мысль о разгаре рабочего дня. Это подтверждается механическими завываниями лесопилки, где-то вдаль за домами, урчанием моторов в полях и одиноких детей, возящихся в дорожной пыли. У деревянного дома на лавочке сидит пожилой человек, упирающийся обеими руками в деревянную скамью, и смотрящий непонятно куда вдаль. Для придания вышеописанному сельскому пейзажу социальной живости на дороге стоит молодой мужчина в военной зеленой форме, подпоясанный кожаным ремнем, в черных сапогах, фуражке. Он нервно оглядывается по сторонам, будто опасается чужих взглядов, издает короткие гортанные фразы типа «Да» или «Нет», при этом рукой показывает белобрысому мальчишке лет тринадцати довольно понятные жесты. Тот послушно нырнул в чепыжи, выскакивал из нее, но уже в другом месте, показывая торопливому человеку в военной одежде вырванные с корнем растения. Временами казалось, что мужчина был слишком заинтересован в поисках лучшего образца, таким образом, он мельком оглядывался и сам пытался забраться в травяную гущу, несколько раз нагибался и быстро выпрыгивал из нее, будто черт из табакерки. После этого тщательно отряхивался, натягивал гимнастерку вниз, поднимал ремень до пояса и резко теряет интерес к процессу, засовывая руки в карманы штанов и смотря в сторону поселка на белокаменный одноэтажный дом, над которым вяло болтается белый флаг с красным крестом. Мимо них проезжает на велосипеде почтальон с толстой кожаной сумкой, смотрит недоумевающим взглядом, потом прикладывает правую руку к картузу, отдавая честь военному человеку. Молодой мужчина в военной зеленой форме прячет букет цветов за спину и тоже отдает честь почтальону. С криками, поднимая клубы пыли, пробегают по центральной улице босоногие мальчишки разного возраста, за которыми еле-еле успевают такого же возраста девчонки и тоже босые. Они бегут против направления ветра и совсем не замечают взрослого человека в военной форме, так как увлечены запуском воздушного змея, но из-за отсутствия достаточной силы ветра змей взлетает невысоко не выше телеграфных столбов, крутится винтом в воздухе и в итоге цепляется за струны телеграфных проводов. Застрявший в проводах змей вызывает чувство вины и недовольства у детей. Они шумно ругаются между собой, ища виновного. Потом кидают в воздух попавшиеся под руки палки, кирпичи, чтобы сбить змея, но делают только хуже. Когда все попытки сбить змея заканчиваются неудачей, то они разбегаются так, будто никого и не было. Все изображенное на этой картине дышит жарким воздухом палящего солнца, носятся стрижи в синем небе, трещат кузнечики в лопухах. Стоит предсказуемая июльская жара – долгожданная летняя пора в середине года продолжительностью не более трех, ну, четырех недель, так не свойственная среднеевропейскому жителю, привыкшему к холодам в Российских губерниях.

2. Испорченный телефон

Подобно урагану новость о смене климата облетела со свистом весь поселок Погорелки. Первым ее принес уважаемый человек – почтальон Юнус, татарин по происхождению, в прошлом житель этих мест, а ныне горожанин. Сболтнул он это первому попавшемуся селянину, а тот всего не понял, но умело додумал недостающие детали сам. Откуда почтальон это узнал, выяснить не успели. Да и шла ли речь о смене климата или о чем-то другом непонятно, но местные поняли ее в силу своих фантазий, так как на самом деле Юнус имел в виду не буквальный климатический катаклизм, а грядущие изменения в жизни села, только сказал это в аллегорической форме, дабы не пугать народ. Тем не менее, почтальона Юнуса слышали. В жизни все получилось, как в детской игре про испорченный телефон. Голосовыми вибрациями слова стали приникать в ушные раковины наивных жителей села, там расплывались в нейронной сети головных аппаратов, путались в рудиментарных органах и вываливались опять наружу с помощью малоподвижного ротового органа небольшими порциями. Но так как одного ротового органа было недостаточно, требовалось усилие для напряжения голосового аппарата в виде разумной бреши. В результате такого замеса, услышанные первоначальные звуки превращались в домыслы, построенные по знакомым шаблонам. В меру своей образованности в каждой голове весть расшифровывалась по-своему, ну прямо как в детской игре про испорченный телефон. Отсюда такое словосочетание, как «Смена климата» вначале своего путешествия не сильно отличалось от правды, однако уже на десятой уровне приобрела агрессивную окраску, на двадцатом сверхъестественную, а уже на двадцатом первом дошло до полного абсурда. Дальнейшая судьба мысли ушла в землю и распалась на элементарные частицы. Оно и понятно, каждому хотелось принять участие в толковании. При нынешней власти любому активному члену общества по силам стать великим героем. Главное, занять кресло пророка и, сомкнув три пальца на левой руке, а указательным правой руки тыкать в сторону столицы государства, размышлять о бескрайности вселенной, с полной уверенностью, что кроме него, никто этого больше не смыслит.

Одним из таких пророков был дед Типун и его точка зрения, полученная отнюдь не в результате долгого обучения в университетах, а за счет врожденного чувства меры всех вещей по понятиям, имела свое абстрактное толкование. С рождения его звали Тимофеем Ивановичем Пузиным, а Типуном прозвали, когда было ему лет сорок с небольшим. Типун любил сочинять всякие небылицы и выдавать их за сущую правду на полном серьезе. К тому же оратором он был выдающимся, но только вот выступал он, в основном, перед глухими бабками да наивными детишками, которые его вдохновляли на творческий порыв, а мужики вступали в спор, чем и губили на корню идеологическое семя. За подобные умные речи бабки стали ему говорить вслед: «Типун тебе на язык» и провожали, шлепая мокрыми тряпками по спине. Однако Типун вовсе и не шутил, просто он считал себя рациональным провидцем иррационального мира, поэтому умело предсказывал будущее вещей, событий или явлений порой задолго до их свершения. В прошлые времена коалиция правоохранительных органов в совокупности с чрезвычайной комиссией могли легко деда Типуна упаковать в тюрьму, зная такой расклад, он тайлся и нарочно не выдавал себя на большой публике. Лишь только иногда, когда терпеть ему было не в силу от переполнения чувств, то он отчаянно стебался над органом госвласти, доказывая всем, как многочлен органа власти отвлекает народ от истинных ценностей человеческого бытия жизни своим постоянным напряжением. Так, однажды, пришел Типун к партийному лидеру товарищу Краснову с навязчивой мыслью изменить несовершенство мира в лучшую сторону собственными усилиями и завязался между ними странный разговор.

– Здоровья тебе, товарищ Краснов! Есть у меня соображения, обращенные к министерству обороны по поводу укрепления границ в наши дни. Знаю, как сократить пограничные войска, тем самым сохраненные средства пустить на развитие сел и деревень. Для этого надо на границе ставить игровые заведения, картежные дома, букмекерские конторы, казино всякие. Капиталисты до денег жадные, далее вглубь страны не сунутся, их азарт остановит. – Выдал неожиданно умозаключения Типун.

– Тебе-то что до этого? В нашей стране всем занимаются партийные лидеры. Наше дело выполнять их волю. – Ответил гордо Краснов и вздернул головой.

– Тогда хочу в партию вашу вступить, может, лидер я по природе. – Заявил Типун на полном серьезе.

– Так, зачем тебе, дед Типун, наша партия понадобилась? Ты же больной на голову, псих. Какая от тебя в партии польза будет? – Ответил ему в шутку Никита Краснов и саркастично добавил. – Ну, разве, что окромя сдачи анализов!

– Знаете, товарищ Краснов, голова у меня болит не от того, что я псих, а от вертикального скопления водных паров над головой. Давит, понимаете, особенно перед дождичком, от этого, сами понимаете, головка того, шалит?

– А кто недавно крыльцо испоганил? Говорят ты, Типун! – Припомнил Краснов отвратительный случай, произошедший на входе в клуб.

– Так ведь, это не я, а Шпанелька моя, песик безобидный, похожий на спаниеля. Я то, чего, силенок маловато будет.

– Нам отчаянные товарищи нужны, которым ради страны, ради народа, ради мира на земле ничего личностного не жалко. Вот, например, возьму и пристрелю твою Шпанельку! После этого пойдешь в партию? – Строго сказал Краснов и с укором посмотрел на Типуна.

Понял Типун, что его проверяют на профпригодность, а в партию все равно не возьмут, даже, если пса не пожалеет. Обиделся Типун, хотя заранее предвидел такой базар. Краснов не умел мыслить глобально, поэтому торчал в глубинке. В отличие от него Типун нигде не учился, но от природы обладал широтой мышления. Ведь он мог много выдумать эдакого полезного, чего никто даже представить не может, потому что все современные люди книжками заучены, а к тонким материям прорваться мешает железобетонная стена материализма.

– Ах, так! Значит, в партию не возьмешь. Польза от меня, говоришь, никакая? А я вот, помру, и одним монопартийцем на земле меньше станет! – Серdito ответил Типун и скоренько вышел вон, пока в недотепистого председателя впитывалась брошенная мысль.

Работать дед Типун перестал сразу, как только получил желтый билет нетрудоспособного больного, инвалида интеллектуального труда. Работал, когда ему было примерно лет тридцать, в партийной конторе писарем. Вел описи дел, делал записи в делах, работа не пыльная и деньги платили регулярно. Получить желтый билет ему помогли все те же добрые люди, сгибающиеся в три погибели перед органом власти, но завязнувшие по уши в скверной афере. Произошло это после того, как дед Типун по просьбе всех желающих, ставил в партийных билетах отметку «Оплачено» на год вперед с помощью печати, сделанной из обыкновенной картошки и химического карандаша. Придумал он это сам, чтобы трудящимся людям не нужно было платить взносы, а тратить их на конфеты своим детишкам. Уголовное дело возбудили, но потом замяли, а все участники отделались административным штрафом. Власти грозились посадить в тюрьму Типуна, только не посадили по понятным причинам, так как у всех рыльце оказалось в пушку, а нетрудоспособным больным сделали. Прошел дед Типун в областной психиатрической больнице оздоровительный курс за полгода, вылечился и был отправлен обратно в родную Погорелку. С тех пор он ежемесячно отмечался в местной медсанчасти у фельдшера Татьяны Сергеевны, как неадекватная идиотическая личность, но не представляющая опасность для трудящегося общества. Стал он получать у почтальона Юнуса денежное пособие по нетрудоспособности. Поскольку за инвалидность ему стали давали денег не меньше, чем была зарплата

в конторе, то желание регулярно трудиться наравне со всеми, отпала, как пережиток прошлого. Дед Типун шатался по дворам, выведывать, что, да, как. Забавлял своими рассказами о высших материях, а откуда знания к нему пришли – держал в тайне. Любил втягивать односельчан в бесконечные беседы на различные темы, так как дел у него не было и жил один. Люди на него не обижались, понимали его, а он никому не навязывал себя, скорее забавлял.

– Поймите, Татьяна Сергеевна, мне публика нужна, так сказать, для генерации идей. Я в одиночестве бесполезен, как топор в чурбане. – Признавался дед Типун фельдшеру. – Меня все знают, как облупленного, когда как я не всех. Посудите сами, например, в магазинах со мной здороваются продавцы, на улице ко мне тянутся нищие, люди в форме честь отдают, каждая собака знает, даже священник крестится и сворачивает, издав завидев меня. Я им «Здрасти!» и дальше пошел. Кто это был, откуда меня знает, не помню. Пусть они сами помнят. Дай мне, Сергеевна, такую таблетку, чтоб голова все помнила и пищевой тракт не посрамил.

– Это у Вас, Тимофей Иванович, мания величия. Мы такое на фельдшерских курсах проходили. Вы не волнуйтесь, таблеточку я дам. – Татьяна Сергеевна достала из коробочки розовую таблетку цитрамона и черную активированного угля, положила в разные руки Типуну. – В правой руке от головы, а в левой от живота и смотрите не перепутайте.

– Понятно... Так, какую же первой принимать?

– А это смотря, на какую часть тела удар придется! – Едва сдерживая смех, ответила Татьяна Сергеевна.

– М-да-а. Я то, вот, что я думаю. Таблетки, механизмы там всякие, кибернетика, политика правительства, природные аномалии – все понимаю, а вот, как варение в карамельку засовывают, не пойму никак. Ведь по истечению тысяч веков человек, как существо, нисколько не изменился. А знаете почему, Татьяна Сергеевна, потому что человек произошел не от обезьяны, как говорил Дарвин, а от марсиан. Ну, так по радио говорили. Мол, мы все в прошлом по форме тела были одинаковые, как близнецы. Только земная жизнь нас малек изуродовала, причем каждого по своему. Кто-то пригорел от жары, а у кого-то глаза от песка сузились. От того у каждого землянина своя роль, от этого мы теперь не похожи друг на друга, а значит и думаем не как родные, войны устраиваем. – Дед Типун нашел в девушке-фельдшере внимательного слушателя и стал разводить словесный винегрет, отвлекая ее от своих медицинских обязанностей.

– Если Вы думаете, что я буду вам сейчас поигрывать и продолжать тему, то вы глубоко ошибаетесь! Но я могу надеть маску и прикинуться, будто бы верю во все эти бредни. Поверьте, рано или поздно, маска будет снята, и вы опять останетесь один со своими мыслями. Одними фантазиями сыт не будешь, дедушка Типун, нужны еще средства для их реализации. – Татьяна Сергеевна, может, и не была философом, но была образованным человеком, она умела поддержать тему и умело поставить в ней жирную точку.

Между диалогом о смысле жизни Татьяна Сергеевна помогла Типуну закатать рукав и надеть на руку надувную часть тонометра. Потом она накачала грушу и стала стравливать воздух, слушая размышления словоохотливого пациента.

– Отсутствие средств еще не повод опускать руки, это ведь никак не помешает любому человеку стать тем, кем бы он хотел быть. Этому процессу могут только помешать пустые головы и пустые сердца. Да, уж! Кстати, какое у меня там давление? – Дед расшифровал укоряющий взгляд Татьяны Сергеевны, заметил, как она нервничает, поглядывает на настенные часы, и сразу переключился на свое здоровье.

– Сто двадцать на восемьдесят. Как у молодого человека. – Фельдшер сделала запись в карточке и провела деда Типуна до дверей. – Приходите через месяц, я еще вас посмотрю.

Весть о смене климата дед Типун услышал из последних уст в довольно извращенной форме, как раз тогда, когда вышел из медпункта и направился в сторону обедающих в тени деревьев трудозависимых односельчан. Одни сидели на траве, другие стояли с едой

в руках, опершись на колеса тракторов и комбайнов. Техника была покрыта слоем пыли и ржавчины, в этом узнавалось небрежное отношение механизаторов к колхозному имуществу. Рядом с местом обеда располагалось здание поселкового совета, контора председателя, ну и, конечно же, сам медпункт. Колхозники громко матом обсуждали последние вести, не замечая приблизившегося к ним Типуна и в этот самый момент речь шла будто бы скоро начнется всемирный потоп. Некоторые решили, что надо перечитать Ветхий завет, возвратиться к церквям и отыскать живых попов. Еще Типун услышал другие мнения, совершенно непохожие друг на друга. Говорили, будто мамонты и динозавры стали вылезать из-под земли. Одного видели в ближайшем пруду, от чего пруд покрылся жирной пленкой. Слух опровергли. Оказалось это тракторист Макар, внук Татухи, по темноте возвращался с пьянки и утопил свой мотоцикл. Бабка Татуха кудахтали так быстро про то и се, что дед Типун не успевал понять одну мысль, как уже заканчивалось десять других. Обрывки слов касались товарища Краснова, который ходит к медичке чай хлебать, у Живоглота и Глашки корова отелилась, а за поселком в стогах сена молодежь по ночам забавляется и орет не своими голосами, того и гляди спалют сено папиросками. В итоге Типун ничего из этого не понял. За любопытство был награжден нелицеприятными словами в знак своей, якобы, медлительности. Из базарного бардака больше всего на правду смахивал слух о всеобщем потеплении, мол, теперь и зимы не станет вовсе. Все станут ходить без одежды и стыд потеряют, как до грехопадения. Такая весть Типуну пришла куда интереснее. Ведь, совсем не придется тратиться на одежды, а что на счет стыда: «Пусть будет стыдно не тому, у кого чего-то видно, а тому, кому видно!» Так и сказал мужикам на завалинке, а те расхотались и деда Типуна стали нахваливать за красное словцо, по плечу прихлопывать за находчивость.

Следом за Типуном, не обращая внимания на обедавший неподалеку трудовой класс, в фельдшерский пункт зашел Никита Краснов. В руках он держал луговое соцветие трав, собранное руками поселкового мальчика Марика, случайно пойманного на дороге, так как самому Краснову не подобало прилюдно собирать цветы. Военная выправка и аристократические манеры были скопированы им в детстве у одного известного партийного лидера и теперь могли пригодиться в общении с красивой девушкой. Татьяне Сергеевне Никита Краснов нравился, поэтому он ходил в медпункт каждый день. Раньше он прикидывался, будто бы был больной, а потом стал ходить регулярно, как к себе домой. В эти часы во время свидания на дверях вывешивалась табличка о тридцатиминутном проветривании, и этого хватало, чтобы удовлетворить обоюдные желания в стерильных условиях любящих друг друга людей. Погореловцы все знали про любовные дела председателя и фельдшера, но ничего новее, чем сам факт добавить не мог. Селу нужна была здоровая власть и доступная медицина, а гражданское право на личную жизнь никто не отменял, оно было у каждого.

3. Общественное собрание

Представители крестьянской трудовой силы не только поедали свой провиант, но и все замечали вокруг, например, как товарищ Краснов заскочил по ступенькам с цветами к медичке. К этому времени у народа назрел вопрос по поводу последних слухов. Подойдя к медпункту и прочитав на дверях табличку «Не входить. Кварцевание 1 час», они решили не ломиться в двери, а подождать во дворе. Прошел час. Двери медпункта открылись, на пороге появился товарищ Краснов без цветов и слегка уставший, которого тут же окружили сытые работники колхоза вместе с председателем колхоза Поповым. Они наперебой стали галдеть, задавая Краснову неадекватные вопросы, пока он возвышался над всеми, стоя на ступеньках. Похоже, Краснов оказался последним, кто узнал новость о смене климата, от чего он очень удивился и назначил внеочередное собрание в клубе завтра вечером.

Все знали, что на работу ты можешь не пойти, а на общее собрание колхозников быть обязан, хоть приползти на карачках. Вел его, как всегда, председатель колхоза Иван Михайлович Попов и непробиваемый монопартиец, а также убежденный материалист председатель местной партийной ячейки товарищ Никита Краснов. По традиции вначале, обсуждали трудовые успехи, потом брали шефство над тунеядцами и штрафниками. Думали, куда поломанный инвентарь списывать и прочую чепуху. В конце собрания, когда удостоверились об отсутствии вопросов, председатель колхоза Иван Михайлович намекнул собравшимся о беспокойных слухах. Дед Типун встал и рассказал, чего говорят в поселке о смене климата и о чем не было сказано на собрании, но стоило бы обсудить прилюдно, пока все собрались. Сказал и тихонько сел. Народ сначала заулыбался, потом загудел, наконец, завелся, как мотор с полуоборота, и понеслось бурное обсуждение вперемешку с откровенной словесной бранью. Рядом с Типуном сидел мужичок по прозвищу Патлатый. Звали его потому, что он слишком волосатым был как головой, так и всем телом, патлы длинные отращивал и вовремя не стригся, как все нормальные люди это делают.

– Ну, ты, дед Типун и жажнул, как в лужу дунул, теперь попробуй-ка домой уйди. Хотел еще в огороде покопаться, пчел посмотреть, пожрать вовремя, а теперь такая свистопляска надолго затянется, – громко и с досадой сказал сосед по прозвищу Патлатый, тоскливо взглянул в лицо и махнул рукой.

– Ты, Патлатый, пургу не гони, вишь, как эта тема интересна народу. О смене климата все говорят, а никто толком ничего не знает, даже товарищ Краснов не знает, а я все знаю. Погоди, вот наговорятся, потом встану и все скажу. – Тихим голосом успокоил его дед Типун.

Товарищ Никита Краснов, хоть и был молод, но умел держать себя по взрослому, не как его сверстники. В местных поселениях явился он из неоткуда, словно свалился с небес, поэтому Типун его уважал, как может марсианина уважать землянин. Выглядел он морально устойчивым и уверенным человеком, но был сыроват в познаниях общих наук. Партия научила его жить по правилам, показала ему границы власти, направила к горизонтам будущего и в результате успешной аттестации поставила управлять умами в небольшое сельское поселение. Был у товарища Краснова один единственный недостаток. Он не умел быть самостоятельным, поэтому свои задачи вешал на ответственных лиц, а потом с них и спрашивал. Так обычно поступают малые дети, которые своими проблемами озабочивают окружающих взрослых людей. Люди говорили, что без сопровождения не мог до нужника сходить и сравнивали его с Типуном. Мол, ему тоже, как и деду Типуну, еще кто-нибудь живой нужен для развития мыслительного процесса. Да, надо признать, в этом-то они были похожи.

Жил Никита Краснов в избе, принадлежавшей, когда то давно семье, угоревшей от дыма. Погибли все пять человек, взрослые и дети. Никто в этот дом не решился вселиться, а Краснов смог. Он презирал суеверия, верил заветам партии и в научный материализм. Случай-

ный гость, зашедший в его жилище, столкнется с произвольным порядком вещей. Его внимание привлечет немытая кухонная посуда, обмусляканные столовые приборы, расставленные по всему дому предметы обихода. В углу валяется засохшая половая тряпка, покрытая черным грибок, рядом несколько пар нечищенных сапог. Окна не мылись годами. Занавески сорваны и валяются на полу. Зато новые сапоги позируют на шкафу. Шкаф стоит под углом к глухой стене избы, но о его содержимом не знает даже сам Никита, не открывал ни разу. Сломанный стул вставлен в деревянный ящик для крепости. В ящике детские игрушки из дерева и жести. Кровать, на которой спал Краснов покрыта деревянным настилом, поверх которого лежал матрац и сенная подушка. В качестве одеяла служила серая шинель. На полу валялось множество осколков битой посуды, окурков, виднелись следы от плевков. Стены украшали цветные картинки партийных вождей и их достижений. В восточном углу, где ранее был домашний алтарь, стоит полочка с партийной литературой. Можно представить, что человек, обитающий в таком порядке, подсознательно может догадывается о влиянии фен-шуй, но никак не дизайнерского взгляда, а еще он имеет личный стиль жизни, от которого сам и страдает. Теперь все то, что воспитало его, убило в нем чувство индивидуальности, с другой стороны наградило правилами аскета. Подобный подход к окружающей обстановке не понравился бы прежним хозяевам дома, они бы точно запротестовали. В непростой схватке с прежним порядком вещей Никите предстояло отстоять право на хаос и бардак, как средство мотивации к креативному мышлению, и он с этим заданием тоже справился. По негласной теории Никиты Краснова, только находясь в общем бардаке, мозги начинают мыслить в плане созидания, восстановления окружающего порядка. Он считал идеальный порядок, в котором нечего менять и перемещать, непозволительной роскошью или музейной ценностью. По его мнению, порядок отрицательно воздействует на человека, укрощает любые инициативы. Нарушение порядка грозит наказанием и, как следствие, абстрагирует индивида от законодателя, вызывая внутренний протест, осознанный нигилизм, неуважение к самому себе и пренебрежение обществом. В связи с этим, помещении избы никогда не прибиралось, вещи не имели законного порядка и постоянно находились в разных местах, найти которые мог только Никита Краснов.

Совсем другим человеком был председатель колхоза Иван Михайлович. Этот всегда занимал позицию народа, грамотно и правильными словами высказывал его волю, этакий глас народа. В его доме всегда был привычный порядок. Все вещи находились на своих местах. Председатель мог с закрытыми глазами найти любую необходимую ему вещь и положить ее обратно на место. На вид Ивану Михайловичу было лет шестьдесят или больше, а на самом деле полтинник. Иван Михайлович много пережил тягот в жизни. Похоронил своих детей и жену, и вторую жену тоже. Ездил учиться по молодости в город на агронома, потом еще учился на скотовода, поэтому знаний о ведении хозяйства в крупном измерении было предостаточно. Не получив партбилета не стал бы председателем в Погорелках, такова воля партии, в этом ему помог Никита Краснов, тогда работающий в городском комитете. Несмотря на возрастную пропасть, Иван Михайлович слушался младшего товарища по партии. На собраниях он придерживался правильных взглядов, хотя никогда не читал партийной литературы, просто он был рожден для настоящего времени.

– Так, вот, чего я хочу сказать, мы тут колоссальные дела обсуждаем, которые делает великий трудовой народ, а ты нас здесь сидящих отвлекаешь слухами всякими. Да? Ну и что же ты сам думаешь про то, что говорят в народе о смене климата? Проясни, так сказать, тему! Давай же, удиви нас, только ненадолго. – Рассудительно сказал Иван Михайлович, заранее не доверяя Типуну.

– Плесни, как говорят, здравого смысла на сие событие. – Продолжил за председателем Краснов, обращаясь к нетрудоспособному элементу общества – тунеядцу по имени Типун. – Иди сюда в президиум, тут выскажешься. А то че, с места орать, никто не услышит тебя.

Народ вяло похлопал в знак солидарности с товарищами Красновым и председателем Поповым, гулом и свистом провожая деда Типуна к президиуму. Он выбрался из толпы трудящихся, переступая через скамейки. Никто не хотел прослыть распространителем доморощенных слухов и стать общим посмешищем. Типуна это вовсе не пугало. Он неспеша взошел сцену клуба и встал лицом ко всем присутствующим людям справа от стола президиума. Помедлив немного, начал скрипучим голосом рассуждать:

– Оно, конечно, может быть, хотя и не обязательно именно так это и будет. Однако, если присмотреться, то все вовсе не так, как кажется и плохо, а даже наоборот хорошо, только совсем не то, что хочется. Вот, как получается. Когда того очень хочется, то ничего хорошего из этого не выходит, потому что, то, что хочется не всегда сбывается в полной мере.

– Оно куда зафигачил, философ хренов. Говори яснее, нам конкретика нужна. Кто и что сказал, при каких обстоятельствах, в чем подвох, какова выгода. А то триндеть не о чем все могут. – Сказал председатель колхоза Попов и в зале народ загудел в знак согласия.

– Да, ты, Типун, говори проще. Без этих твоих шуточек или вали со сцены, дай послушать умных людей. – Заорал с далерки один из механизаторов с лесопилки.

– Ты поддувало то закрой, раз сам мух не ловишь, так сиди чередом. Дык, с другой стороны, когда ничего не хочется, так выбирай, сколько хочешь да радуйся. А чему ж тут радоваться, когда оно за деньги не надо и даром не надо, а тебе втюхивают прямо в руки. Просто так дают – берешь и не ценишь, а то и другому передаришь. Самому не привычно, спрятать некуда, применить нет навыка, оказывается дар бесполезным. Так и идет оно дальше, пока идет, дышится и зевается, ну а потом все заново. Я, кажется, все... – Сказал Типун, но его уже не слушали в гудящем зале, он сел на край сцены и свесил ноги.

Последних слов никто не услышал, Типуна заткнул Краснов. Никита Краснов был человеком умным и подкованным в общении с людьми. Быстро осознал, что доверив слово полумному человеку, тень недоверия может пасть на него лично. Тем не менее, догадавшись о смысле абстрактных слов Типуна, он быстро интерпретировал их в доступные шаблонные фразы и расшифровал тему в привычном народе словоблудию.

– Односельчане, в степях нашей необъятной страны дел непочатый край, конь не валялся. Есть еще жалкие постройки из глины и навоза, которые служат крепостью для проживания в них семей. Им не хватает сил, чтобы бороться с холодом. Другие до сих пор не имеют теплой одежды и вынуждены перед наступлением холодов вываливаться в липкой грязи с перьями, чтобы пережить морозы. Полушкой деток вскармливают. Да, что уж там говорить, мы же сами еще в сортиры на задний двор ходим, когда как горожане ржут над нами. Так давайте же сделаем всем хорошо! Давайте ускорим приход тепла в наши края. Представьте, что урожай станет возможным собирать два, три, а может и четыре раза в год. Отпадет необходимость строить теплые жилища. Наши водоемы станут теплыми, как южные моря, а то и вовсе океанами станут, и будем мы жить не хуже, чем негритосы. Вы со мной согласны? Кто «За» поднимите руки?

– Да! Конечно! Да! – Хором прогремел народ с поднятыми руками, а Краснов покраснелся от притока крови к голове.

– Не зря весть о смене климата пришла именно в наши края, не означает ли это, что мы избранные для великого дела! А, как известно, в больших делах права всегда та сторона, которая побеждает. И мы победим!

– Гу-у-у! Да! Согласны! Да! – Опять хором подтвердили сидящие в клубе колхозники и механизаторы.

– А ты че, Типун, ваще предлагаешь, конкретно? Говори же, наконец! – Вмешался в ораторский прорыв старикан по прозвищу Живоглот, не поддавшийся общему гипнозу.

– А ты потерпи. Чего торопишь, все равно до светлого будущего не доживешь! Сейчас все понятно станет. – Осадил Типун выскочку, глотнул воды из стакана Краснова, встал и вновь начал свой доклад. – Так, вот! Есть такая научная теория, в которой говорится о точке опоры,

с помощью которой можно мир перевернуть. Изрек ее сам Архимед, который, заметьте, признается нынешней партийной властью в качестве безоговорочной истины. Ведь это правда, товарищ Краснов?

– Если партии это надо, то народ скажет да! – Краснов ничего не слышал про Архимеда, но услышав знакомые словосочетания, не мог не согласиться со сказанным.

Пока Краснов соглашался, Типун показательно вынул из бокового кармана ватника небольшую репу, взял со стола карандаш, демонстративно воткнул его в бок корнеплода и положил конструкцию на стол карандашом вверх.

– И че это, э? – Поинтересовался ехидно Живоглот, тыча указательным пальцем в творение.

– Да, че это? – Едко поддакнула его жена Глаша, осмелев после своего мужа.

– А вот чего! Если опору потянуть, то предмет перевернется. Как-то так! – С этими словами Типун коснулся конца карандаша, и репа повернулась на бок.

Тут с места вскочил Краснов и принялся жать руку Типуну. Краснов понял идею раньше, чем сидящие в зале люди и чтобы дед Типун ничего больше лишнего не сказал, ввернул свои мысли в продолжение темы. Народ в зале загалдел. Краснов вынул из нагрудного кармана сложенную в четыре раза бумажку, развернул ее к народу, показывая всем собравшимся текст.

– Тише, тише товарищи колхозники и механизаторы! А совсем забыл про главное. Сегодня утром ко мне пришло распоряжение из центрального комитета партии о всеобщей мобилизации разнокалиберных трудящихся со всей страны в нашу горячо любимую Погорелку. Оказывается, в мире еще много голодающих от голода, обескровленных кровом, воюющих на войне и погибающих во имя мира на земле. И наконец, нам удостоилась честь, во что бы то ни стало, совершить отчаянный трудовой подвиг, прийти на помощь всему миру, чтобы покончить с этой несправедливостью. В данном распоряжении говорится о начале великой стройки, которая состоится в этих местах уже совсем-совсем скоро. Я поздравляю вас односельчане! Теперь и мы станем частью цивилизации, а может быть и ее центром. Теперь и в наших краях появится газопровод, теплоцентраль и водопровод. Односельчане, скоро в каждом доме появятся газовые плиты, ванны и туалеты. Так давайте же поможем совершить климатическую революцию на благо всего народа и самих себя! Ура, товарищи! Ура!

– Ура-а-а! Ура! – Загудел народ и запел Интернационал под дирижерское размахивание руками товарища Краснова.

Пользуясь отсутствием внимания, Типун сторбился, чтобы не мешать петь и скрылся за дверями клуба. На улице уже стемнело. Выйдя на свежий воздух, он увидел спину удаляющегося Патлатого в сторону дома. Патлатый улепетывал быстрыми шагами, резко размахивая руками при ходьбе. Даже в мраке было видно, как пыль кусками отлетала от его подошв и клубилась за спиной. «С такими, как Патлатый, не то, что власть, даже климат не изменишь.» – Подумал Типун и тоже поплелся домой.

4. Понаехало тут

Не прошло и недели, как на председателя колхоза и председателя партячейки обрушился целый ворох телеграмм, распоряжений, разных приказов. Писали много и все, кому не лень. В основном речь шла о скором прибытии проектно-изыскательной делегации, потом трудовой силы для установки металлоконструкции прямо в поселке. Дополнительно предполагалась прокладка автомагистрали через поселок, в зону которой попадали несколько частных дворов. Для участия в оказании посильной помощи в письмах предлагалось органам местного самоуправления «педалировать» ситуацию: обязать, использовать, подготовить, предоставить, не препятствовать. Ввиду непредвиденных расходов и ускорения властям выделялись подконтрольные денежные средства для расселения народа из своих жилищ. Тех отказников, которые не соглашались на возможные условия, приказывалось осудить по любому поводу, а потом насильно выселить в специально предназначенные восточные районы, где по легенде предоставлялось и жилье, и образование, а главное увлекательнейшая работа, не требующая специальностей. Ничего общего со слухами о смене климата в писаниях не значилось, а как относиться к такому событию – радоваться, или грустить, инструкции не прислали. Ясно было одно, что надвигается великая мощь страны, сметающая, ради государственных интересов, все на своем пути, не обращающая внимание на народные традиции, привязанности к родной земле и прочую чепуху. Сопrotивляться нет смысла, только подчиняться. Партия сказала «Надо», народ ответил – «Есть»!

Вечерняя картина. Августовское лето. На небе перистые облака подсвечивались розовым светом. Роса туманом садилась в низменностях на полях. Стрекотали кузнечики и ныли хором комары. Где-то за домами на завалинке дружно пели две женщины о страдальческой женской доле и мутных омутах. Так пели, так пели, красиво вытягивая гласные звуки, что даже собаки не смели нарушать песни, лишь буркали и сразу замолкали. В одном из домов у открытого окна сидели за столом двое мужчин, которые пили горькую и мирно беседовали. На столе горела керосиновая лампа, освещающая небритое пожилое лицо председателя Попова Ивана Михайловича и онемевшее от алкоголя молодое лицо Краснова Никиты. Они наливали друг другу прозрачную самогонку в деревянные кружки, одновременно стучали ими о стол, а потом махом выпивали, закусывая после этого кусочками ржаного душистого хлеба.

– Умница Хромуша. Гонит из отборного хлеба и лучше ее пойла, во всей округе никто не делает. У меня на утро, от ее пойла, голова никогда не трещит. – Заметил Иван Михайлович.

– Эта та женщина из предпоследнего дома? Хромушей значит зовут. А че Хромуша? – Спросил Никита.

– Это, значит, старая история. Можно и рассказать, не секрет. Как оно мне известно, случилось действие тогда, когда она была малолеткой. Ну, лет так двадцать назад. Ходила она тогда по ночам, во сне разговаривала.

– Типа лунатик, что ли?

– Ну да, по-современному, типа, лунатиком была. Говорили родственники, что не из чистых поползновений зачали ее, мать блудила, а потом скрыть хотела грех, да ничего не вышло, все равно родила. Родила, а дочка то получилась особенная, не как все. Шипко умная, память хорошая, все по науке делает. Сам посмотри на самогонку, росиновая слезинка и та мутнее.

– Ну, а хромая то почему? – Перебил его опять Никита.

– А упала она, когда по ночам ходила. В соседский дом во сне зайдет и стоит подолгу, а потом также выходит вон. Все знали и не гоняли ее, боялись спугнуть. Народ видел, что по забору ходила. А однажды на коньке крыши стояла и что-то бормотала, как только туда

ее черты занесли неизвестно, а потом видимо очнулась от мяукнувшей кошки, да и кубарем на землю упала. Ногу сломала, да видно кость срослась криво.

– Понятно. Жаль Хромушу, никто ее в жены не взял, а бабенка прилежная, химичит отменно. Эх, Михалыч. Что же мы теперь народу скажем? Ведь скоро хана Погорелкам. – С грустью спросил Иван Михайлович товарища Краснова.

– Даже и не знаю, это ядреная силища какая-то, окаянная стройка снесет весь наш поселок в пыль и даже неизвестно, что с нами станет опосля. – Также с грустью ответил Никита Краснов.

– Самим бы не сгинуть. Потеряем поселок – лишимся работы. Надо хотя бы деньги, что на расселение выдали, сохранить. Сумма то немалая. Ты мне тока кивни, я их быстро по углам расфасую, никто подмены не заметит. Все-все бумагами прикрою. – Предложил воспользоваться выделенными финансами в личных целях Иван Михайлович.

– Деньги подотчетные, их партия выделила для нашего народа. Ты, Михалыч, не мандражируй, все до копя на расселение пустим, а мысли сумнительные брось. Чтоб я больше такого не слышал. Угу? – Возразил Никита.

– Угу то оно угу, но все ж помозгуй наедине, нам на двоих хватит, а народ расселим, это я клянусь животом. Ну, Никитушка, решайся! – Иван Михайлович налил самогонки и всунул стакан в руку Никите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.